

Ю. В. АНДРЕЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КРИТСКИХ СИССИТИЙ

Древние отмечают существенные различия в организации так называемых «сисситий», т. е. коллективных обедов граждан, устраивавшихся в Спарте и городах дорийского Крита. Намек на это встречаем уже у Платона (*Leg.*, 842 В): «Что же до того, каким образом их (сисситии) устроить — или так, как здесь (на Крите), или как в Лакедемоне, или, кроме того, есть еще третий вид, лучше обоих первых, то, мне кажется, изобрести его будет нетрудно, но большой пользы это изобретение не принесет. Ведь и теперешнее устройство (вполне) пригодно». Смысл этого намека раскрывает Аристотель (*Polit.*, II, 1272a 12 сл.): «Что касается сисситий, то у критян они организованы лучше, чем у лаконян. Ибо в Лакедемоне каждый поголовно делает определенный взнос, как и выше говорилось¹. На Крите же большая степень общности, ибо из всего урожая и приплода скота на государственных землях, а также из податей, которые платят периеки, отделяется одна часть для богов и общественных надобностей, а другая для сисситий, так что на общественный счет кормятся все: женщины, дети и мужчины». В переводе этого места мы следуем чтению, принятому

---

¹ См. *Ibid.* II, 1271 a, 26 сл.: «(В Спарте) с самого начала были плохо устроены сисситии в форме так называемых «фидитиев». Ведь их следует устроить так, чтобы средства поступали больше от государства (чем от частных лиц), как на Крите. У лаконян же каждый должен делать определенный взнос, но так как некоторые (из них) очень бедны и не могут себе позволить такие издержки, то происходит обратное намерению законодателя. Ведь он хочет сделать демократическим устройство сисситий, а оно вследствие таких узаконений оказывается совсем не демократическим, ибо очень бедные люди не могут участвовать в сисситиях, а так как у них издревле существует такой критерий гражданских прав, то те, кто не могут сделать этот взнос, лишаются права на участие в жизни государства».

почти во всех последних изданиях «Политики», при котором слова «*ἐκ τῶν δημόσιων*» следуют непосредственно за «*καὶ βοσκήματων*». Этот вариант текста предполагает, что поступления в сисситии складывались из двух основных компонентов: 1) доходы, получаемые с государственной земли, и 2) взносы рабов (периеков)². Такое понимание места вполне согласуется с заключительными словами отрывка: «Так что на общественный счет кормятся все...», хотя отсюда еще не следует, что картина, которую изображает Аристотель, вполне соответствует реальной исторической действительности. Аналогичное вышеописанному деление доходов *ager publicus* на две части — для расходов на богослужения и для снабжения сисситий мы находим и в другом месте «Политики» (VII, 1330a 12 и сл.), хотя здесь речь идет уже не о городах Крита, а об идеальном полисе, проектируемом автором. Это совпадение, может быть, не случайно: не располагая достаточно надежными сведениями о положении дел на Крите, Аристотель легко мог перенести на местные обычаи свою собственную утопическую концепцию, согласно которой государство должно взять на себя всю тяжесть расходов в организации общественного питания граждан³.

Некоторые исследователи, в том числе Бузолт и Кирстен⁴, предпочитают другой вариант чтения цитированного выше текста, вставляя перед словами «*ἐκ τῶν δημόσιων*» союз «*καὶ*»⁵, что совершенно меняет весь смысл отрывка. При таком понимании средства, поступающие в сисситии, складываются уже не из двух, а из трех компонентов: 1) доходов отдельных граждан, 2) отчислений из государственной казны и 3) податей

² О том, что под «периеками» в данном случае подразумеваются именно рабы типа спартанских илотов, а не население подвластных общин в спартанском значении этого слова, можно догадаться, сопоставив это место с *Polit. II, 1269 a, 39* слл.

³ Ср. *Strabo, X, с 480* (со ссылкой на Эфора): «Мальчишкам он (критский законодатель) приказал ходить в так называемые «агелы», а взрослым обедать вместе в сисситиях, которые они называют «андриями», чтобы более бедные (граждане) получали равную долю с богатыми, кормясь на государственный счет».

⁴ G. Busolt. *Griechische Staatskunde*, Bd. II. München, 1926, S. 755, Anm. 1; E. Kirsten. *Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert*. Würzburg, 1936, s. 130; см. также D. Lotze. *Metaxu eleuteron kai dulton*, В. 1959, s. 8 f.

⁵ Такую версию дают два кодекса «Политики» — Лаврентианов и Урбинский (XV в.), которые Сюземиль относит к числу худших, и, может быть, также Г — древнейший кодекс, известный, однако, только по латинскому переводу Гильома де Мербека (см. аппарат в изд. Сюземиль — Fr. Susemihl, Лpz., 1894).

периеков. Те же три основные компонента называет критский историк Досиад, описывая устройство сисситий в Литте, одном из городов Крита, по-видимому, уже в III в. до н. э. (Athen. IV, 143 a—b): «Из полученного урожая каждый вносит десятую часть в гетерию, а доходы государства распределяются правителями между домами каждых. Кроме того, каждый из рабов вносит один эгинский статер с головы». Текст Досиада, по всей вероятности, испорчен и представляет поэтому известную трудность для понимания. Эта трудность снимается, если, как предлагает Гаазе⁶, выбросить $\alpha\sigma$ перед глаголом « $\delta\iota\alpha\varphi\epsilon\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\nu$ » (распределяют). Однако многие исследователи принимают текст так, как он есть. Выражение « $\epsilon\kappa\alpha\sigma\tau\upsilon\nu\ \omicron\iota\kappa\iota\omicron\iota$ » в этом случае можно понять только как «дома отдельных граждан». Чтобы доказать, что это так, обычно ссылаются на последующие строки Досиада (Ibid. 143 b—c): «Повсюду на Крите есть два дома для сисситий. Один из них называют «андрием», а другой, в котором помещают на ночлег чужеземцев, «койметерием». В доме же для сисситий, во-первых, поставлены два стола, которые называются «гостиными», так как за них усаживают присутствующих чужеземцев, а рядом находятся столы для всех прочих». Отсюда как будто бы следует, что в каждом городе был только один «мужской дом» (андрий), в котором собирались все граждане и приглашенные на обед чужеземцы. Эта догадка, однако, не находит подтверждения в других источниках. Во времена Эфора в каждом критском городе было, по крайней мере, несколько андриев (очевидно, в соответствии с числом гетерий). Это видно из рассказа данного автора (см. Strabo X, с. 483) об обычае умыкания мальчиков на Крите: преследование похитителя семьей похищенного мальчика продолжалось до тех пор, пока тот не приведет его в свой андрий.

Гераклид Понтийский (frg. 111 — FHG, 11, p. 212), по всей вероятности, пересказывающий «Критскую политику» Аристотеля, сообщает, что за обедом архонт сисситии получал четыре порции: «Одну, как и все, вторую, как архонт, третью за дом и четвертую за утварь»⁷. По-видимому, архонту принадлежа-

⁶ См. аппарат в изд. Кайбеля, т. 1, Lpz., 1923. Восстановления, которые предлагают сам Кайбель и Деруссо (A. M. Desrousseaux, *Observations critiques sur les livres III et IV d'Athenee*, P. 1942), кажутся нам менее убедительными.

⁷ Это свидетельство подтверждает гортинская надпись первой половины V в. до н. э. (IC, IV, 75 B), в которой среди прочих предметов изымаются из права залога вещи, предоставленные архонтом в андрий для общего пользования.

ли не только посуда, мебель и другие предметы, находящиеся в андрии, но и само помещение. Следовательно, каждая гетерия имела свой особый андрий, в котором собирались только ее члены. Выражение Досиада «два дома для сисситий» поэтому лучше понимать переносно, как «два рода домов»⁸.

По-своему интерпретируя тексты Аристотеля и Досиада, Бузольт и Кирстен конструируют крайне нелепую и громоздкую систему снабжения сисситий, при которой государственные доходы распределяются сначала между семьями отдельных граждан, а затем каждый вносит полученную им долю, присовокупив десятую часть собственных доходов, в свою гетерию⁹. Еще более усложняет эту и без того запутанную систему М. Гвардуччи¹⁰. Она находит у Досиада не одну десятину, а целых две: одна вносится в кассу гетерии, другая — в общегосударственную казну. Именно к этим двум выплатам, а не к «доходам города», как принято считать, по ее мнению, относится словечко «ας». С точки зрения греческого синтаксиса такое переосмысление текста едва ли приемлемо, тем более что Гвардуччи не считает его испорченным. Выражение «προσδοκῆς τῆς πόλεως» в значении «государственная казна» у других авторов не встречается, да и вся фраза в таком истолковании в данном контексте теряет всякий смысл. Каждая семья отдает государству 20% своего ежегодного дохода. Государство, в свою очередь, распределяет эти взносы «по домам» праждан. Неясно, однако, какое отношение имеет эта операция к сисситиям, о которых говорит Досиад. По мнению Гвардуччи, это был замаскированный налог, заимствованный, скорее всего, в птолемеевском Египте¹¹. Но в чем мог заключаться смысл

⁸ Заметим, что говоря выше (143 в) о сисситиях в Литте, Досиад употребляет *pluralis andreaia*. Все это не исключает, однако, того, что в каждом городе, помимо помещений для обедов отдельных гетерий, мог существовать и главный общегородской андрий — здание, аналогичное афинскому пританею, в котором устраивались праздники, приемы знатных гостей, а также обеды высших городских магистратов (см. SGDI, III, 2, 5040, 38с; 5163а, 6).

⁹ Ср. K. Latte. *Kollektivbesitz und Staatsschatz in Griechenland*, Nachr. Akad. Göttinge, Philolog.—Hist. Klasse, 1946/47, s. 67, Anm. 4; K. M. T. Chrimes, *Ancient Sparta*, Manchester, 1949, p. 232.

¹⁰ M. Guarducci. *Inforno alla decima dei cretesi*.— *Rivista di Filologia e di istruzione classica*, N. S., XI, 1933, p. 488 sg.

¹¹ Гвардуччи следует здесь Де Санктису (см. G. De Sanctis. *Epimelron* к ст. Guarducci, *Ordinamenti dati da Gortina a Kaudos*.— *Rivista di Filologia*, N. S., VIII, 1930, p. 485), в статье которого анализируется надпись III в. до н. э. (IC, IV, 184), содержащая договор Гортины с подвластной ей общиной на острове Кавдос. Жители Кавдоса обязуются платить

такого налога, если деньги все равно уходили из казны? И для чего была нужна едвоенная система налогообложения: по гетериям и в масштабе всего государства?

Не отвечая на все эти вопросы, Гвардуччи в подтверждение своей гипотезы ссылается на одну позднюю (II—III вв. н. э.) надпись из Литта (IG, I, XVIII, II). Начало надписи не сохранилось. В уцелевшем фрагменте читаем следующее: «...выдачи стартам по отеческому обычаю во время Феодесий и Белханий. Протокосм этого года или полечитель должен устроить раздачу на Феодесии из выдач, которые получают старты в размере 1500 денариев и на майские календы из денег, выдаваемых филам. Недостающую сумму он должен представить из своих средств к обеим раздачам, как это сделал Симмах Агатопад, полечитель. Нарушивший это подлежит бесчестию». По мнению Гвардуччи, под стартами, о которых говорится в надписи, следует понимать какую-то коллегию, распоряжающуюся городской казной. Соответственно выдачи, которые они получают, — то же самое, что десятина, вносимая, по Досиаду, в государственную казну. Второй десятина, которую у Досиада получают гетерии, соответствуют в надписи деньги, выданные филам, так как в результате деградации старой системы сисситий функции гетерий перешли теперь к более широким объединениям граждан — филам. Преимущество между филами и гетериями в данном случае вполне возможна. Однако в целом толкование надписи, предложенное Гвардуччи, вызывает большие сомнения. Более вероятным нам кажется, что речь здесь идет не о двух разных (из разных источников) раздачах, а об одной и той же, но повторенной дважды. На это указывает сохранившийся в начале надписи обрывок фразы: «...выдачи стартам по отеческому обычаю во время

в гортинскую казну 1/10 своих доходов, за исключением прибылей от скотоводства, огородничества и таможенных пошлин, «на тех же основаниях, что и сами гортинцы». Из последних слов Де Санктис заключает, что в это время гортинцы платили своему государству подать в размере 1/10 от своих доходов, которая поступала в сокровищницу храма Аполлона Пифийского, служившую, по всей вероятности, государственной казной (см. стр. 19 той же надписи). Эта необычная для греческого полиса финансовая система могла развиваться, как полагает Де Санктис, под влиянием экономики эллинистических государств, но на базе местной критской традиции коллективных обедов граждан. Десятина, которую прежде граждане Гортинны платили в кассу своей гетерии, теперь вносилась непосредственно в государственную казну и таким образом превратилась в настоящий налог. Эта гипотеза в отличие от весьма путаных рассуждений Гвардуччи о двух десятинах представляется нам вполне правдоподобной (ср. Kirsten. Ук. соч., s. 132 f.; Willetts R. F. Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1956, p. 139 sq.; Latté. Ук. соч., s. 70 f).

Феодесий и Белханий», — на который Гвардуччи почему-то не обратила внимания. В критском календаре праздник Белханий приходится как раз на май месяц¹². Следовательно, деньги, выдаваемые филам на майские «календы», — то же самое, что и «выдача стартам во время Белханий», т. е. термины «старт» и «фила» используются в надписи как синонимы¹³. Очевидно, старты (или филы) получали на праздниках деньги из городской казны для последующей раздачи гражданам, выполняя таким образом те же функции, которые некогда, во времена Досиада, выполнялись в городах Крита гетериями. Промежуточным звеном в этой цепи догадок может служить свидетельство знаменитой «Дреросской присяги» (IC, I, IX, I — надпись III—II вв. до н. э., возможно, являющаяся копией более древнего документа), один из разделов которой (C, 124 слл. и D, 134 слл.) содержит предписание, чтобы деньги, полученные в качестве штрафа от косма, нарушившего клятву, были разделены между гетериями, находящимися в городе, и теми из граждан Дрероса, которые окажутся (в это время) несущими пограничную службу. В более ранней (конца IV в.) надписи из Аксоса, недавно опубликованной Манганаро¹⁴, находим еще одно аналогичное предписание: косм, допустивший какую-либо ошибку во время торжественного жертвоприношения, может очиститься не иначе, как совершив гекатомбу в честь Зевса Агорейя и распределив мясо жертвенных животных между гетериями¹⁵. Здесь, как и в предыдущем случае, гетерии выполняют роль посредствующей инстанции в распределении государственных доходов между гражданами, и это еще раз подтверждает правильность принятой нами интерпретации текста Досиада.

¹² На это указывает сама Гвардуччи (см. примечания к надписи в изд. IC).

¹³ Мы вполне разделяем точку зрения тех исследователей, которые видят в стартах и филах критских надписей одни и те же подразделения родо-племенной организации. См. H. Lipsius. Zum Recht von Gortyns.— Abhdl. Sächs. Gesell. Wiss. XXVII, 1909, s. 403; Busolt. Ук. соч., II, s. 745; U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht, Bd. I. Göttingen, 1922, s. 351; Kirstent. Ук. соч., s. 133, 152, Anm. 12.; Л. Г. Исоселани. Гортинские законы. Тбилиси, 1966, стр. 158.

¹⁴ G. Mangano. Iscrizione epistographa di Axos con prescrizioni sacrali e con un Trattato di Symmachia.— «Historia», XV, I, 1966, стр. 13 и сл.

¹⁵ Характерно, что ответственность за упущения при совершении обряда возлагается не только на действительных космов, но и на отставных. Очевидно, такого рода наказания должностных лиц в Аксосе и в других городах Крита были системой, служа немалым подспорьем в устройстве обрядов гетерий.

Итак, свидетельства Аристотеля и Досида в сопоставлении с данными надписей показывают, что в IV—III вв. до н. э. снабжение критских сисситий складывалось из двух основных компонентов: 1) индивидуальные взносы рабов и граждан; 2) отчисления из государственной казны, пожертвования, штрафы и т. п. Средства как того, так и другого рода поступали в распоряжение гетерий, которые использовали их прежде всего для устройства совместных трапез.

Внутренняя жизнь городов Крита, и в частности организация сисситий в V в. до н. э., в литературных источниках совершенно не освещена. Тем большую ценность представляет для нас одна гортинская надпись первой половины V в. (IC, IV, 77B), в которой, несмотря на ее сильную фрагментированность, можно видеть декрет, устанавливающий порядок взимания взносов на устройство сисситий¹⁶. В уцелевшем фрагменте надписи читаем следующее: «...две (меры) свежих фиг, три молодого вина. Тот, кто не (может отдать) все, пусть отдаст половину. Если *карлобатотай* найдут спрятанные или поделенные плоды и заберут их, они не несут наказания. Виновный должен выплатить саму стоимость (плодов) и штрафы, как написано. За плоды (стоимость которых установлена) под присягой, взыскать серебром (?)». Упомянутые в надписи *карлобатотай*, по всей вероятности, особые должностные лица, в обязанности которых входил надзор за разделом доходов каждого хозяйства на две части, одну — для личного потребления или продажи и другую — для взносов в гетерию¹⁷. Если это так, то сам факт вмешательства государства в раздел доходов клера¹⁸ указывает на систему, принципиально отличающуюся от той, которую описывают Аристотель и Досид, и, напротив, в корне отличную от спартанской формы сисситий. Стимулы, которые побуждали спартанцев исправно вносить в фидитии часть своих доходов, в Гортине V в., очевидно, отсутствовали¹⁹. Поэтому злоупотребления, о которых

¹⁶ R. Dareste. Recueil des inscriptions juridiques grecques, II, I, p. 234; Kirsten. Ук. соч., s. 133, Anm. 35; Guarducci в изд. I C; R. F. Willetts. Karpodaistai. — «Philologus», 105, 1961, s. 146.

¹⁷ Cp. Kirsten. Ук. соч., s. 133, Anm. 35; Guarducci, ad. loc.; Latte. Ук. соч., s. 68.

¹⁸ Отголоском такого рода узаконений в Гортине и других городах Крита следует, может быть, считать Plat., Leg. 847E—848A—C.

¹⁹ Раздел производился, вероятно, раз в год — сразу после урожая. В противном случае хозяин мог бы продать свои «излишки», а найти деньги было гораздо труднее. В Спарте, напротив, взносы в сисситии были ежемесячными (Plut., Lyc., XII).

Нет речи в надписи, заставляяют предполагать, что уже в этот ранний период потребление граждан в сисситиях обеспечивалось в значительной мере за счет либо государственных субсидий, либо подоходного обложения участников, либо, наконец, за счет и того и другого вместе, как и во времена Досиада. Сохранившееся в начале надписи перечисление продуктов, очевидно, определяет размеры взноса. Для малоимущих делается скидка в половину установленной нормы. Отсюда следует, что в Гортине V в. сбор взносов в сисситии был уже организован по принципу подоходного обложения, хотя по сравнению с десятиной, о которой говорит Досиад, форма обложения такого рода была, конечно, более примитивной.²⁰ Организация критских сисситий, таким образом, не осталась неизменной и продолжала развиваться на протяжении V—IV вв. до н. э.²¹ Однако в своих основных, наиболее характерных чертах, на которые обращает наше внимание Аристотель, она сложилась, по-видимому, в гораздо более ранний период.

Несмотря на сравнительную сложность критской формы сисситий, она, несомненно, более архаична, нежели спартанская разновидность того же института²². В ней сильнее выражены традиции родо-племенного коллективизма, восходящие ко всей вероятности, еще к эпохе дорийского завоевания Крита. Непосредственное участие государства в расходах по уст-

---

²⁰ Некоторое удивление вызывает то обстоятельство, что перечисление продуктов в начале надписи дается без обозначения мер. Если допустить, что это обозначение осталось в утраченной части декрета, как объяснить, что вино и фиги измеряются в одних и тех же единицах? Нельзя ли предположить, что норма в две меры фиг и три меры вина представляет собой лишь часть шкалы, устанавливающей размеры взносов пропорционально, скажем, размерам земельных участков граждан? Если это так, различия в организации сисситий в Гортине V в. и в Литте III в. до н. э. (в изложении Досиада) были менее значительны, чем можно судить на основании уцелевшей части надписи.

²¹ Следует учитывать также, что в отдельных критских полисах могли существовать весьма многообразные локальные формы этого института.

²² Иной точки зрения придерживается Уиллетс (Aristocratic Society, p. 139, слл., 193). По его мнению, критская система сисситий нуждалась для своего исправного функционирования в относительно развитом бюрократическом аппарате, который едва ли мог здесь возникнуть ранее V в. Нам известно, однако, что особые фискальные магистраты (tilai) существовали в городах Крита уже в VII—VI вв. до н. э. (они упоминаются в древнейших гортинских надписях, см. IC, IV, 14, 15). Можно предположить, что они или какие-то другие подобные им должностные лица в этот период следили за исправным поступлением взносов в сисситии и собирали подати с зависимого населения. Ср. Kirsten. Уж. соч., s. 140 f.; Fr. Kiechle. Lakonien und Sparta. München—Brl., 1963, S. 205 f.

роиству сисситий предполагает, что в его руках находились достаточно большие массивы обрабатываемой земли, а также пастбища, на которых пасся принадлежащий ему скот. К сожалению, в критских надписях упоминания о государственных землях и об их использовании почти не встречаются²³. Известно, однако, что среди многочисленных категорий зависимого и неполноправного населения критских полисов существовала особая прослойка государственных рабов, называвшихся «мноитами» (Athen. VI, 263 f—264 a). Впервые мноиты упоминаются в одном из немногочисленных памятников критской поэзии (и, по-видимому, самом древнем из них)²⁴ — так называемом «Схолионе Гибрия». Автор схолиона, критский аристократ, о котором больше ничего не известно, хвастливо восклицает: «Мое богатство — большое копье, и меч, а также прекрасный щит, защита тела! Ими я пашу, ими жну... из-за них рабы (μνοια) называют меня господином». Термин «μνοια» в этом отрывке едва ли имеет то же значение *τεμπνις τεχνικς* «государственные рабы», что и у поздних авторов, Сосикрата и Досиада, на которых ссылается Афиней. Гибрий может иметь в виду либо рабов, принадлежащих его собственной ойкии или роду типа кларотов или гортинских войкеев, либо рабов в самом широком собирательном значении этого слова²⁵. Однако в любом из этих случаев свидетельство схолиона имеет большую ценность для историка, так как оно показывает, что некогда «мноитами» называлось все порабощенное местное население Крита в отличие от порабощенных дорийцев²⁶. Следует полагать, что первоначально правовое положение этого населения было относительно однородным и в принципе не отличалось от положения позднейших мноитов — рабов общины. Конечно, термин «рабы общины», да и вообще «рабы» в данном случае может быть употреблен лишь условно. В реальных исторических условиях периода завоевания общинное или государственное рабство могло означать только

---

²³ В виде исключения можно сослаться на гортинский декрет V в. о сдаче государственной земли в аренду (IC, IV, 43B).

²⁴ Боура датирует его концом VI в. до н. э. (C. M. Bowra. *Greek Lyric Poetry*. Oxford, 1961, p. 403).

²⁵ См. Lotze. Ук. соч., S. 5; Kirsten. Ук. соч., S. 118; Willetts. Ук. соч.; S. 48.

²⁶ Может быть, правы те, кто связывает *μνοια* с именем *Minos* и топонимом *Μίνοα* (G. F. Schoemann. *Griechische Altertümer*, Bd. I. B. 1855, S. 301; ср. К. Hoeck. *Kreta*, Bd. III. Göttingen, 1829, S. 30; Willetts. Ук. соч., p. 47 сл.).

зависимость одной общины от другой, выражавшуюся в выплате натуральной дани. По-видимому, далеко не вся земля, захваченная дорийцами во время их вторжения на Крит, была сразу же поделена ими на клеры²⁷. Можно даже предположить, что большая часть земли вообще не подлежала разделу, а сидевшее на этой земле местное население считалось коллективной собственностью общины завоевателей и должно было платить ей дань, которая поступала в распоряжение военно-родовых объединений дорийцев — фил и гетерий — и использовалась ими в первую очередь для устройства совместных обедов²⁸. Пережиточные формы этой дани продолжали существовать в городах Крита еще в IV—III в. до н. э. в виде тех повинностей, которые должны были мести в пользу гетерий свободных граждан как государственные рабы (мноиты), так и рабы, принадлежавшие отдельным семьям и частным лицам (клароты и афамиоты)²⁹.

²⁷ По мнению ряда авторов, для порабощенного крестьянства Лаконии и Крита приход дорийцев означал лишь смену хозяина. Даже если дорийцы не заняли непосредственно места ахейских владык, они могли, по крайней мере, использовать их опыт порабощителей (Willetts. Ук. соч., p. 250 сл.; его же. Cretan Cults and Festivals. L., 1962, p. 40; E. Kirsten and W. Kraiker. Griechenlandkunde, Heidelberg, 1957, S. 192; К. М. Колобова. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгиде.—УЗ ЛГУ, 1956, № 192, стр. 32, 50; С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, М.—Л., 1957, стр. 270 сл.). Эта гипотеза, на наш взгляд, грешит сильным упрощением. Археология показывает, что между падением ахейских государств и возникновением первых постоянных поселений, которые можно было бы приписать дорийцам, существует большой хронологический разрыв, что, как нам кажется, совершенно исключает возможность влияния, крито-микенской экономики на завоевателей (см. Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 328 сл.; Ch. G. Starr. The Origins of Greek Civilization. N.—Y., 1961, p. 80 sq.; V. R. Desborough. The Last Mycenaeans and their Successors. Oxford, 1964, p. 224 sq.).

²⁸ См. Kiechle. Ук. соч., стр. 205 сл., 215 сл.

²⁹ В цитированном выше отрывке из «Политики» Аристотеля (II, 1272a, 12 сл.) под периками следует подразумевать, по-видимому, частных рабов (кларотов), так как подати, которые платили мноиты, должны быть отнесены к категории доходов, получаемых с государственной земли. Также и у Досида (Athen, 143 а—б) рабы, вносящие в сисситки по одному эгинскому статеру, скорее всего, рабы частных лиц.